

Партизанское движение в Беларуси в документах
коллаборационной администрации

Гребень Е. А.

В статье рассматривается партизанское движение в Беларуси на основании административной переписки подразделений коллаборационной администрации. Отмечается, что документы коллаборационной администрации позволяют увидеть оценку масштабов партизанской борьбы глазами противника. Использование этих документов наряду с документами органов Сопротивления и документами немецких оккупационных структур позволяет реконструировать объемную картину партизанского движения.

Ключевые слова: нацистская оккупация, Беларусь, партизаны, коллаборационная администрация.

НОВА ТА НОВІТНЯ ІСТОРІЯ

Традиционно источниковой базой для изучения партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны являлись документы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, воспоминания участников партизанского движения, а также отчеты немецких вооруженных формирований о карательных операциях. В то же время в государственных областных архивах имеется значительный массив документов коллаборационной администрации (донесения волостных бургомистров и сельских старост начальникам районных управ, рапорты командиров постов полиции начальникам районной полиции и рапорты последних немецким комендатурам, заявления граждан в органы коллаборационной администрации), содержащий информацию о партизанах.

Осуществляемый коллаборационной администрацией перманентный мониторинг количества населения иллюстрировал постоянный приток граждан в ряды партизан. Волостные управы передавали в районную управу ежемесячные отчеты по форме: количество человек, убитых партизанами, уведенных насильно и ушедших в партизаны добровольно. Бургомистр Озеречкой волости Толочинского района в списке ушедших в 1942 г. в партизаны 29-ти жителей волости указывал, что они ушли добровольно [1, л. 378–378 об.]. В списке ушедших в партизаны и сочувствующих им по Евлаховской волости Толочинского района от 23.05.1944 г. значились имена 56 чел. из 8 общин. Напротив 26-ти фамилий содержались пометки «ушел с женой», «ушла вся семья»; содержалась графы «родственные отношения», «в том числе детей», «количество нетрудоспособных взрослых» [2, л. 136]. В августе

1943 г. в Застодольской, Макшанской, Будской и Ключковской волостях Богушевского района был убит 1 полицейский и 5 крестьян, уведено насильно 42 крестьянина, 1 медицинский работник и 1 учитель; добровольно перешло к партизанам 2 полицейских, 12 крестьян и 1 военнопленный [3, л. 47–49, 52]. В сведениях об изменении количества населения Москаленятской волости Городокского района по состоянию на 1.03.1943 г. сообщалось, что за связь с партизанами арестовано 2 мужчины и 5 женщин [4, л. 14]. Уход граждан в партизаны фиксировался в сводках волостных управ и в 1944 г. Чашникская городская управа в начале 1944 г. констатировала уход в партизаны 57 чел. [5, л. 8–8 об.].

Оккупационные власти отдавали отчет в том, что партизаны скрываются среди гражданского населения, продолжительное время проживают в деревнях. Особенно эта тенденция проявлялась зимой 1941–1942 гг., когда партизанское движение только набирало силу, и многие группы бойцов сопротивления вынуждены были зимовать в деревнях. В связи с этим Толочинское районное управление в декабре 1941 г. поручило волостным бургомистрам провести проверку документов у всех жителей на предмет выявления партизан, проживавших в деревнях по поддельным документам. Бургомистрам предлагалось сравнить документы с регистрационными списками населения, в которых указывались номера удостоверений личности. Начальник района допускал также, что и председатели колхозов могут быть связаны с партизанами, давая им приют в колхозе до весны. Тогда же Толочинское районное управление довело до сведения районных бургомистров и населения, что граждане, которые дадут приют красноармейцам и членам движения сопротивления, будут расстреляны. От бургомистров требовалось составить отдельные списки на проживавших на территории волости красноармейцев, которым предписывалось еженедельно являться на проверку [6, л. 13, 16, 17].

На учет брались бывшие красноармейцы, воспринимавшиеся властями как потенциально опасные элементы, которые могли пополнять ряды партизан, что было не обосновательным. В отчетах волостных управ указывалось общее количество проживавших на территории волости красноармейцев, а иногда отдельно указывалось, сколько из них не являются местными уроженцами, поскольку бывшие военнопленные, не имевшие в регионе семей и хозяйства, быстрее могли стать партизанами, нежели местные уроженцы [6, л. 30–31 об.]. Опасения по поводу отпущенных военнопленных были небезосновательными, и коллаборационная администрация периодически сообщала об убытии красноармейцев с места жительства без разрешения [3, л. 58]. Сенненская районная полиция докладывала коменданту, что 13.06.1942 г. ушли три приписника-красноармейца (работали завхозом больницы, конюхом кирпичного завода и сельским рабочим), а в ночь с 14 на 15 июня партизанами был уведен еще один приписник [3, л. 95].

Главы сельской администрации могли оказывать партизанам косвенную поддержку, поскольку были хорошо осведомлены о том, кто из односельчан

связан с партизанами. Вопреки обязанности регулярно докладывать в районную управу об ушедших в партизаны односельчанах, делалось это не всегда, или же старосты указывали в отчетах, что граждане мобилизованы партизанами принудительно, что страховало их семьи от репрессий. В отчете старосты общины Алексеенки Городокского района указывалось, что из 21 чел. ушедших в партизаны односельчан все ушедшие «захвачены коммунистами». Подобная формулировка страховала родственников партизан от репрессий со стороны немцев [7, л. 68]. Староста общины Бобр подозревался Москаленятской волостной управой Городокского района в том, что лично отвел мужчин в партизаны [8 л. 4, 4 об.]. Глубокский гебитскомиссар в начале 1942 г. констатировал в отдельных волостях Браславского района факты партизанских налетов и распространение листовок. Информация поступала от немецких военных, и гебитскомиссар критиковал волостных старшин и деревенских старост за «легкомысленное» отношение к партизанской угрозе, поскольку ни один из них не удосужился сообщить о действиях партизан [9, л. 38].

В ряде случаев представители низового звена администрации добросовестно сообщали немцам о действиях партизан и сочувствующих им лицах. Бургомистр Замочьянской волости Чашникского района сообщал коменданту местечка Череев, что с 20 марта по 10 апреля (год не указан—Е.Г.) вся волость была занята партизанами, в дер. Слободка партизаны проживали две недели, устраивая вечеринки и свадьбы. Бургомистр доносил, что две девушки вышли замуж за партизан, после ухода последних, возвратились к своим родителям, вместе с партизанами ушло 13 человек со своим оружием. К донесению прилагался список ушедших в партизаны и предлагалось принять к их родителям самые строгие меры [10, л. 542–542 об.].

Родственники ушедших в партизаны подвергались репрессиям. Как мера наказания партизанских семей практиковалась отправка в трудовой лагерь, причем полиция могла не утруждать себя разбирательствами. Житель г. Городка в заявлении на имя начальника районной полиции просил отпустить из трудового лагеря тещу, отправленную туда полицией, указывая, что из ее семьи никого нет в партизанах, зато есть добровольно уехавший на работу в Германию [11, л. 54]. Бургомистр Евлаховской волости в отчете Толочинскому районному управлению от 24.04.1944 г. сообщал, что многие деревни «терпят неприятности» со стороны немецких воинских частей из-за партизан [12, л. 16].

Документы коллаборационной администрации содержат сведения о реквизициях продуктов питания и скота, проводимых, и ущербе, нанесенном коллаборационным структурам [13, л. 26]. Староста одной из общин Толочинского района докладывал 12.01.1944 г. районному земельному управлению, что партизаны забрали двух лошадей, предназначенных для вывоза леса, и порвали книгу учета сдачи военного сбора [13, л. 29]. Бургомистр Коковчинской волости докладывал Богушевскому районному управлению, что 12.10.1943 г. в дер. Беленево партизаны забрали 42 коровы,

9 телят, 5 овец и 3 козы, привели в негодность дорогу и мосты, и просил выслать отряд полиции, жалуясь, что не может больше работать [3, л. 35]. В ходе операций уничтожались волостные управы, как, например, сожженная в августе 1943 г. волостная управа в Дрисвятах [14, л. 16]. Уже к концу 1942 г. волостные старшины Браславского района в своих телефонограммах регулярно сообщали о партизанских акциях [15, л. 74]. Вот как описывает визит партизан солтыс (староста) Гритунской общины 8.09.1943 г.: «... сегодня в 6 часов утра пришли ко мне бандиты в количестве 8 человек, 4 с оружием, 4 без оружия, по внешнему виду евреи и цыгане, один русский. Меня не было дома. Испугали жену и детей, забрали кожух, ботинки, френч и седло и сожгли все бумаги, списки подушного налога и списки страховщиков коней» [16, л. 86]. Обращает на себя внимание использование старостой традиционного приема в описании партизан для придания рассказу большей убедительности: евреи и цыгане, поскольку немецкая пропаганда отождествляла понятия «партизан», «еврей», коммунист», и это укоренялось в лексике сотрудников коллаборационной администрации.

Активность партизан сказывалась на хозяйственной деятельности коллаборационной администрации. Полоцкая районная управа предписывала гражданам пасти скот только в местах, безопасных от партизан, угоняя его на ночь в безопасное место [17, л. 30]. После репрессий против семей партизан и карательных операций оставались бесхозные посева, которые районное земельное управление могло передавать другим гражданам, которым разрешалось снять урожай [4, л. 55]. От диверсий партизан на коммуникациях периодически страдали мирные жители. В рапорте начальника Сенненской районной полиции коменданту Сенно сообщалось, что 27.06.1943 г. на дороге Сенно–Богушевск подорвались на mine три жительницы Застодольской волости Богушевского района (одна женщина погибла, две получили тяжелые ранения); в тот же день в районе кирпичного завода подорвались на mine два крестьянина, везшие зерно на мельницу [18, л. 98].

Главы сельской администрации подавали прошения об освобождении их от должности, мотивируя тем, что исполнение служебных обязанностей угрожает их жизни [13, л. 30]. В апреле 1943 г. Городокская районная управа предписывала волостным бургомистрам незамедлительно выбрать старост в тех общинах, в которых их нет, а если не найдется добровольцев исполнять эти обязанности, то назначить на должность жителя другой общины, дав ему землю, жилье и денежное вознаграждение. Районная администрация заранее признавала возможность отсутствия желающих исполнять обязанности старост. Старосты продолжительное время отсутствовали в регионах, подконтрольных партизанам, и после проведения очередной карательной операции районной управе вновь приходилось воссоздавать низовое звено администрации [4, л. 34].

Поскольку исполнение обязанностей волостных бургомистров и старост было связано с риском для жизни, в отдельных случаях, вопреки позиции немцев, не считавших необходимым вооружать чиновников

местной администрации, такое практиковалось. В памятке начальника Городокского района отправлявшимся на работу в волости бургомистрам, их заместителям и секретарям предписывалось явиться к начальнику полиции за получением оружия; прибыв на место, необходимо было договориться с начальником отряда полиции о совместной работе. В качестве подъемных у сельскохозяйственного коменданта они могли получить лошадь, корову, овцу и свинью. Волостным бургомистрам предписывалось взять на учет жителей общины, общественные постройки и имущество, оставшееся от ушедших в партизаны, и не допускать его разграбления [19, л. 7].

В ответ на репрессии против мирного населения со стороны немецкой армии и полиции партизаны совершали акты возмездия против сотрудников коллаборационной администрации. Волостные бургомистры ежемесячно подавали начальнику района сводки о таких фактах. По данным на 13.03.1942 г в четырех волостях (Свядская, Волосовичская, Замошская и Ляховская) Лепельского района от партизан пострадало 25 чел., из них 19 было убито, 6 ранено [20, л. 59]. С 20.12.1942 г. по 12.01.1943 г. по району от партизан пострадало 15 чел., из них 2 старосты, двое родственников полицейских [21, л. 1]. С 20.02 по 20.03 и с 20.06 по 20.07. по району пострадавших от партизан не было, с 20.05 по 20.06 пострадало 6 чел. [22, л. 4, 12, 28, 29]. Застодольское волостное управление сообщало Богушевской районной управе, что в августе 1943 г. партизанами был убит 1 полицейский и 2 крестьянина; 2 полицейских и 9 крестьян ушли в партизаны добровольно. С начала года и до 1 августа в волости было убито 5 полицейских и 1 крестьянин, а 11 человек ушли в партизаны. В Мошканской волости за август 1943 г. было убито трое крестьян, 37 человек значились как уведённые партизанами насильно, 1 ушел добровольно. В Будской волости уведёнными насильно значились 5 крестьян, медработник и учитель и 1 крестьянин ушел добровольно. Каковчинское волостное управление представило список ушедших в партизаны жителей дер. Качановка, из которых 24 значились как добровольно ушедшие (2 учительницы и 22 крестьянина) и 1 крестьянин забран принудительно. Из Ледневичской волости за то же время добровольно ушел в партизаны 21 крестьянин и 1 медработник. Богушевское волостное управление сообщило об отсутствии убитых партизанами и ушедших в партизаны в августе месяце [3, л. 47–49, 51, 54, 56, 57].

Родственники коллаборационистов, пострадавшие от рук партизан, апеллировали к местной администрации с просьбами о помощи. За период с 29.07.1942 г. и, по меньшей мере, до 3.07.1943 г. в Толочинском районе минимум 11 раз заседала специальная комиссия по оказанию помощи пострадавшим. Были рассмотрены заявления 73 граждан и коллективное заявление 14-ти полицейских, пострадавших от партизан на территории Сенненского района, но проживавших на момент подачи заявления в Богушевском районе. Просителями являлись вдовы погибших сотрудников администрации (сельские старосты, счетовод) и полиции, сами чиновники, полицейские и крестьяне, у которых партизаны реквизируют

скот и продукты. В зависимости от размера реквизиций и, очевидно, от социального статуса просителя, комиссия присуждала единовременное пособие в размере от 300 до 1100 руб. (исключение составило пособие бургомистру Застодольской волости, получившего 5000 руб.). Комиссия могла ходатайствовать перед городской управой о выделении бесплатной квартиры, перед комендатурой – о выделении скота, о направлении детей в детдом. Вдовам погибших, в зависимости от количества иждивенцев, присуждалось ежемесячное пособие до 300 руб. Просители проживали на территории Богушевской, Ледневичской, Ключковской, Застодольской, Будской, Коковчинской, Макшанской, Старобобельской, Стайковской, Остапенской и Замосточьской волостей Богушевского района, что наглядно иллюстрирует активность партизан, повсеместно совершавших акты возмездия полицейским и коллаборационным чиновникам [23, л. 14–18 об., 20–23; 3, л. 114].

В докладе о политическом и хозяйственном положении Лепельского района сообщалось, что семьям, пострадавшим от партизан, после утверждения ортскомендатурой, выплачивается пособие до 5000 руб., и к концу 1942 г. было выплачено пособие 23 семьям на сумму 61900 руб. [24, л. 146]. Во «Временном постановлении» Гомельского областного управления от 23.11.1942 г. об оказании помощи нуждающимся подчеркивалось, что в первую очередь необходимо обеспечивать лиц, понесших ущерб в борьбе с партизанами, и лишь потом оказывать помощь старикам, нетрудоспособным, инвалидам и другим нуждающимся гражданам. Помощь предполагалось оказывать деньгами из местного бюджета или натурой (при наличии фондов) после рассмотрения ходатайства комиссией в составе сотрудников отдела обеспечения, контрольного отдела и полиции [25, л. 3]. Размер выделяемой помощи мог быть крайне незначительным и не покрывать понесенный ущерб. В заявлении гражданина на имя старшины Коссовской волостной управы 1.03.1943 г. отмечалось, что два его сына служат в полиции, сам он пострадал от партизан (сожжены дом, хозяйственные постройки, скот, хлеб). Просителю было выделено 70 марок, что не компенсировало убытков [26, л. 28].

Таким образом, документы коллаборационной администрации являются исключительно ценным источником по изучению партизанского движения, позволяют увидеть оценку масштабов партизанской борьбы глазами противника. Служебная переписка сельских старост, волостных и районных управ иллюстрирует страх коллаборационных чиновников перед партизанами. Использование административной переписки подразделений коллаборационной администрации наряду с документами органов Сопrotивления и документами немецких оккупационных структур позволяет реконструировать объективную картину партизанского движения.

Примечания

1. *Государственный архив Витебской области* (ГАВт.). – Ф. 2134. – Оп. – 1. – Д. 18. Переписка с бургомистром районной управы, приказы о сдаче военного сбора и по дорожному строительству и др.

2. *ГАВт.* – Ф. 2134. – Оп. 1. – Д. 10. Приказы, постановления и отношения бургомистров районной управы, сведения о трудоспособности населения и лошадей волости.
3. *ГАВт.* – Ф. 2087. – Оп. 2. – Д. 10. Списки, ведомости на выплату зарплаты сотрудникам учреждений Богушевского района, сведения о действиях партизан.
4. *ГАВт.* – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 9. Отношения начальника районного управления бургомистру волости и списки граждан волости.
5. *ГАВт.* – Ф. 2109. – Оп. 3. – Д. 4. Ведомости на выплату работникам районной полиции, волостным служащим и техническим работникам школ.
6. *ГАВт.* – Ф. 2134. – Оп. 1. – Д. 5. Сведения переписи населения по волости и переписка с районной управой.
7. *ГАВт.* – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 8. Заявления от граждан о переселении их из города на район, сведения о количестве скота.
8. *ГАВт.* – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 1. Списки населения Москаленятской волости.
9. *ГАВт.* – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 15. Приказы, распоряжения гебитскомиссара г. Глубокое.
10. *ГАВт.* – Ф. 2109. – Оп. 3. – Д. 1. Ведомости на выдачу заработной платы учителям, служащим, полицейским Чашникского района, заявления граждан.
11. *ГАВт.* – Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 1. Постановления, рапорты, протоколы обыска.
12. *ГАВт.* – Ф. 2127. – Оп. 2. – Д. 4. Приходные ордера подушного налога и списки беженцев, проживающих в земском хозяйстве «Новинка» Евлаховской волости.
13. *ГАВт.* – Ф. 2127. – Оп. 4. – Д. 1. Списки населения на получение продовольствия, заявления от граждан.
14. *ГАВт.* – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 14. Переписка с Глубокским окружным комиссариатом о состоянии православной церкви в м. Ерцовка Едской волости, работе радиовещательной установки, организации борьбы со спекуляцией и др.
15. *ГАВт.* – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 62. Телефонограммы волостным управам о сборе вещей на нужды немецкой армии, уничтожении советских объявлений, предоставлении списков безработных специалистов за 1942 г.
16. *ГАВт.* – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 19. Переписка с волуправами и учреждениями и предприятиями района о выполнении трудовой повинности, правилах составления отчетности, добровольной сдаче оружия и др.
17. *ГАВт.* – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 3. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы.
18. *ГАВт.* – Ф. 2150. – Оп. 1. – Д. 6. Списки полицейских и рапорта командиров службы порядка Сенненского района за 1943 г.
19. *ГАВт.* – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 5. Приказы районного земельного управления.
20. *ГАВт.* – Ф. 2088. – Оп. 1. – Д. 39. Сметы расходов районной администрации и подведомственных учреждений и организаций на 1942–март 1943 г., донесения волостных бургомистров и др.
21. *ГАВт.* – Ф. 2088. – Оп. 1. – Д. 76. Переписка с полевой и местной комендатурой.
22. *ГАВт.* – Ф. 2088. – Оп. 1. – Д. 53. Сведения и списки убитых, раненных и пострадавших от партизан граждан Лепельского района за 1943 г.

23. ГАВт. – Ф. 2087. – Оп. 1. – Д. 17. Списки уехавших в Германию, членов семей и родственников, которые находились на службе у немцев, протоколы заседаний комиссии по оказанию помощи пострадавшим от партизан.
24. ГАВт. – Ф. 2088. – Оп. 2. – Д. 2. Приказы начальника Лепельского района по основной деятельности и личному составу, ведомости на выплату заработной платы и списки работников районной управы и подведомственных учреждений за февраль–апрель, июнь–сентябрь 1942 г., денежного пособия семьям, члены которых уехали на работу в Германию, за январь–март 1943 г.
25. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1336. – Оп.1. – Д. 2. Переписка старосты с районом.
26. Государственный архив Брестской области. – Ф. 198. – Оп. 1. – Д. 13. Ведомости на зарплату служащим Коссовской волости, старостам и возчикам дров, заявления отдельных лиц о получении пособий, справки их имущественного положения.

Гребень Є. О. Партизанський рух в Білорусі в документах колабораційної адміністрації

У статті розглядається партизанський рух в Білорусі на підставі адміністративного листування підрозділів колабораційної адміністрації. Відзначається, що документи колабораційної адміністрації дозволяють зробити оцінку масштабів партизанської боротьби очима противника. Використання цих джерел поряд з документами органів Опору і документами німецьких окупаційних структур дозволяє відтворити об'єктивну картину партизанського руху.

Ключові слова: нацистська окупація, Білорусь, партизани, колабораційна адміністрація.

Hreben Ya. A. Partisan movement in Belarus in the documents of collaborative administration

Partisan movement in Belarus is regarded in the article on the basis of administrative correspondence of the divisions of collaborative administration. It is noted that the documents of collaborative administration let the researcher assess the extent of guerrilla warfare through the enemy's eyes. Applying these documents alongside with the documents of the Resistance authorities and the documents of the German occupational authorities allow to reconstruct an objective picture of the guerrilla movement.

Key words: Nazi occupation, Belarus, partisans, collaborative administration.

УДК 78.347.63

Залізничне будівництво як фактор активізації трудової мобільності у британських африканських колоніях (кінець XIX – початок XX ст.)

Долід В. В.

Предметом аналізу обрано будівництво імперських залізниць і його вплив на трудову мобільність в африканських колоніях Великої Британії на межі XIX–XX ст. Досліджується територіальна, міжгалузева та статусна мобільність. Тема розкривається на прикладі Нігерії, Уганди та Республіки Наталь.

Ключові слова: колоніалізм, залізничний імперіалізм, примусова праця, трудова мобільність, міграція.

Постановка проблеми та її значення. На межі XIX–XX ст. британська колоніальна імперія, над якою ніколи не заходило Сонце, перебувала в zenіті своєї могутності. Безумовно, це була найбільша з будь-коли існуючих світових наддержав, інтереси якої охоплювали весь світ. Проте інші провідні європейські держави, а також нові члени імперської ліги (Сполучені Штати Америки, Японська імперія) мали власні колоніальні амбіції.

У боротьбі за переділ світу, встановлення політичного й економічного панування, підкорення інших народів, а також захист своїх колоніальних інтересів життєво необхідним було будівництво портів, залізниць, доріг, телеграфів, гідротехнічних і фортифікаційних споруд, казарм, урядових установ, тобто всього того, що завдяки американському історичу Деніелу Хедріку отримало влучну назву «інструментарій імперії» [4].

В умовах нестримного потягу до нових територіальних завоювань особливого значення набували залізниці. Підкреслюючи їхню значущість, кореспондент «Engineering Magazine» у 1899 р. писав, що у процесі європейської колонізації африканського континенту від інженерних робіт залежало значно більше, ніж від військової сили. «Залізниці, канали та порти, – підсумовував він, – є справжньою зброєю у завоюванні колонії». Позицію ж правлячих кіл висловив губернатор Кенії сер Едвард Гріг, який зазначав, що «Кенія була завойована не силою зброї. Це було завоювання при допомозі однієї з найбільших сил нашої сучасної цивілізації. Вона була завойована залізницею» [7].

Розвиток залізничної інфраструктури не лише підвищував ефективність управління та експлуатації колоній, але й посилював британські позиції в економічному та колоніальному протистоянні з іншими імперіалістичними